

Фу Сьюэ дышал ровно, выдыхаемый воздух был тёплым и влажным. Гу Шутуну стало не по себе, и он убрал лапу. При движении с неё снова посыпались короткие волоски, усеяв лицо Фу Сьюэ.

Гу Шутуну пришла в голову шалость: он сунул лапу прямо в рот Фу Сьюэ, накормив его собачьей шерстью.

Вскоре лапа стала липкой, и, почувствовав отвращение, Гу Шутун убрал её и пополз к середине кровати.

Фу Сьюэ накрылся тонким одеялом небрежно, лишь кое-как прикрыв нижнюю часть тела, поэтому Гу Шутун разглядел его верхнюю одежду. На нём был коричнево-чёрный шёлковый пижамный комплект. Ткань тонкая, с сильным блеском, на вид скользкая. Гу Шутун потрогал её — на ощупь приятно.

Сбоку контуры мышц Фу Сьюэ просматривались смутно, как раз достаточно, чтобы красиво поддерживать форму пижамы. Особенно живот — плоский, со слегка обозначенным рельефом.

Пресс!

Гу Шутун подумал о своём собственном пухленьком животике и, охваченный завистью, похлопал Фу Сьюэ по животу. Сила ударов нарастала, раздавался глухой стук — он стучал с удовольствием.

Фу Сьюэ не просыпался, и Гу Шутун обнаглел ещё больше. Он то покусывал, то тыкал, оставив повсюду слюни и шерсть, и превратил постель в полный беспорядок.

Когда это наскучило, он в один прыжок оказался на животе Фу Сьюэ. Одежда была скользкой, устоять было непросто. Осторожно продвигаясь вперёд, он уселся на его груди.

Мышцы под ногами были упругими — топтаться по ним было одно удовольствие, и он от души натоптался.

Размером он был невелик, но вес имелся — этакий десятицзинный комок на груди. Фу Сьюэ во сне почувствовал сильный дискомфорт. Когда он в полудрёме начал просыпаться, в ушах у него раздался оглушительный лай.

— Гав-гав-гав! — Спишь, как сурок!

— Гав-гав-гав! — Поднимайся!

Фу Сьюэ почувствовал, как тело похолодело и занемело, а сердце от испуга выбилось из ритма. Наконец он открыл глаза и встретился взглядом с Гу Шутуном, который смеялся так, что глаз не было видно.

Фу Сьюэ: ...

Собака, щурящая глаза от смеха, может выглядеть мило — как, например, улыбающийся самоед. Но Гу Шутун с его хитрой, плутовской ухмылкой и оскаленными острыми зубами явно не имел к миловидности никакого отношения.

Фу Сьюэ лишь вздохнул с долей досады и отмахнулся от него:

— Как ты сюда попал?

Пока он ломал голову, Гу Шутун уже проворно спрыгнул с кровати и направился к двери. Не успел он развернуться, как услышал за спиной гневный рёв:

— Стой где стоишь! Я выщиплю тебе всю шерсть!

— Гав-гав-гав! — Ха-ха-ха!

Гу Шутун: Смываюсь.

За шалости приходится платить. (Мысль Гу Шутуна, полная глубокомыслия).

Теперь у него не осталось шерсти нигде, кроме головы. Побрил Фу Сьюэ.

Гу Шутун, пытаясь улыбаться: Я стал сильнее. И лысее.

Разгневанный Фу Сьюэ выразился так:

— Раз уж ты так любишь линять, я сделаю так, чтобы тебе нечего было линять.

Гу Шутун, конечно, отчаянно сопротивлялся, но Фу Сьюэ был непреклонен. Под оглушительные вопли, похожие на визг резанной свиньи, Гу Шутун навсегда распрощался со своей милой шёрсткой.

Гу Шутун: Всё решили за меня.

Пожалуй, стоит поблагодарить Фу Сьюэ за снисхождение — он не тронул шерсть на голове, так что полным лысым Гу Шутун не стал.

Погружённый в безысходную тоску, Гу Шутун поднял одну лапу и смахнул горькую слезу.

Теперь, лишённый шерстяного покрова, он демонстрировал всему миру свою розоватую кожу. Прямо как сфинкс — зрелище жутковатое.

Чёртовски уродливо.

Просто ужасно.

Фу Сьюэ не обладал никакими навыками, побрил неровно — то густо, то пусто.

Стало ещё уродливее.

Голова и хвост, хранящие последние остатки бывшего достоинства, хоть и покрыты шерстью, но та редкая и пёстрая, цвета неравномерные.

С морды Гу Шутуна невольно скатилась горячая слеза.

Спустя столько времени Фу Сьюэ вновь увидел плачущую собачью морду.

Фу Сьюэ: ...

Испытывая редкий приступ угрызений совести, Фу Сьюэ принялся заискивающе его утешать.

Гу Шутун, увязший в трясине скорби, и слышать не хотел об этом «собачьем человеке», жалея себя и оплакивая свою былую красивую шерсть.

И в этот день битва умов и сил продолжилась.

Фу Сьюэ, поднявшись рано утром, облачился в строгий чёрный костюм и собрался на банкет по случаю дня рождения.

Гу Шутун, растянувшись на столе, жевал сушёные овощи и с кислым видом подумал: Нарядился, как на показ мод.

Он похрустывал лакомством, когда Фу Сьюэ вдруг подошёл с комплектом одежды томатно-красного цвета.

Гу Шутун: Что ты, чёрт возьми, собираешься на меня надеть?!

Охваченный паникой, Гу Шутун заметался по столу, но, конечно, был мгновенно пойман Фу Сьюэ.

Он продолжал вырываться, но Фу Сьюэ сказал:

— Успокойся, скоро выходим.

Выходим?

Гу Шутун тут же замер. Ему хотелось на прогулку.

Фу Сьюэ приподнял бровь:

— Неужели понимаешь? Да ты, похоже, обрёл разум.

Гу Шутун: ... Вообще-то я человек, спасибо.

Фу Сьюэ бросил это просто так — он и так знал, что Пипи очень умён и способен понимать интонацию человеческой речи.

Верхняя часть была в виде толстовки с капюшоном. Фу Сьюэ хотел надеть на него и капюшон, но Гу Шутуну было жарко, и он упрямо сопротивлялся. После долгих мучений, когда Фу Сьюэ наконец надел на него облегающие штанишки, они были готовы к выходу.

Выехав из гаража и долго петляя по утопающему в зелени двору, Гу Шутун наконец осознал, насколько огромен дом Фу Сьюэ.

Вдоль дороги росли платаны. Кроме крупных листьев, зелёных и жёлтых, на ветвях висели круглые плоды, покачивающиеся на ветру, — зрелище было прекрасным.

Это был район для состоятельных людей, дома стояли далеко друг от друга.

Покинув район вилл Баньшань, Гу Шутун обнаружил поблизости озеро. Безбрежная водная гладь сверкала под солнцем рябью.

На очень дальнем противоположном берегу высились многоэтажные здания. Из-за огромного расстояния эти небоскрёбы казались меньше, чем один его волосок.

Кругом царил тишина, лишь вода плескалась о берег. Непрерывный шум прибоя был лучшей колыбельной. Голова Гу Шутуна начала клевать, и он наконец сдался власти сна.

Свернувшись калачиком на коленях Фу Сьюэ, он погрузился в дрему.

В салоне машины было тихо. Под убаюкивающее сопение Гу Шутуна и Фу Сьюэ начало клонить в сон, и он закрыл глаза, чтобы отдохнуть.

Наконец они прибыли в дом Чжанов. Гу Шутун всё ещё спал. Фу Сьюэ, не нуждаясь в помощи прислуги, взял его на руки и направился прямо в дом.

Когда Фу Сьюэ уже преподнёс подарки, поздравил старого господина и беседовал с другими гостями, Гу Шутун наконец пробудился от шёпота разговоров.

— Маленький питомец проснулся. Может, снять с него капюшон? Он шевелится, — сказал Чжань Шо, отхлебнув вина.

Фу Сьюэ, конечно, почувствовал, как Гу Шутун слегка пошевелился у него в руках. Одной рукой он снял с него красный капюшон, обнажив покрытую редкой шёрсткой голову.

Чжань Шо: ... Какой милый! — едва не поперхнулся.

Фу Сьюэ проигнорировал его сомнительную паузу и, накрыв голову Гу Шутуна ладонью, принялся энергично её тереть, успешно выдраив клочок шерсти.

Гу Шутун ещё не осознал потери своих драгоценных волос. Его заторможенный мозг был взбодрён дикими массирующими движениями Фу Сьюэ. Терпя эту пытку, он в душе ругал этого извращенца.

Когда Фу Сьюэ убрал руку, Гу Шутун, моргая затуманенными глазами, повернул голову, чтобы осмотреться. Подняв взгляд, он увидел перед собой молодого человека с приятной внешностью, однако улыбка его выдавала некую хитрость, и смотрелся он как настоящий делец.

Их взгляды встретились. Чжань Шо улыбнулся ему дружелюбно и осторожно протянул руку, желая погладить.

— Как зовут? Глаза большие, красивые, да ещё и с двойными веками.

— Не придумал ещё, — равнодушно ответил Фу Сьюэ. — У меня ещё дела, я пойду.

Гу Шутун не успел расслышать и пары слов, как они разошлись. Зарывшись в объятия Фу Сьюэ, он с любопытством разглядывал окружающее.

Весь зал был украшен яркими огнями и сверкал золотом, создавая праздничную атмосферу. Помимо красной дорожки на полу, столы были застелены алыми скатертями, уставлены фруктами, чаем и сладостями. Особенно привлекательно выглядели белоснежные персики долголетия с красными макушками. Гу Шутуну очень хотелось их попробовать.

По проходам сновали официанты в одинаковой форме. Они методично расставляли различные блюда вокруг огромных круглых красных столов. За столами уже сидело немало гостей — мужчины и женщины, старики и дети — на всех лицах играли улыбки. Дети ёрзали на стульях, с нетерпением ожидая начала праздничного пира.